

Потребность человека в распознавании смыслов в коммуникативной среде

Ильин Виктор Васильевич*, доктор философских наук, профессор, vvilin@yandex.ru
Мамедов Азер Агабала оглы*, кандидат философских наук, доцент, azermamedov@mail.ru
Бирюкова Елена Анатольевна**, кандидат философских наук, доцент, cek-mgtu@mail.ru
Мюллеринен Елена Александровна***, аспирант, eam@bmstu.ru
Платонов Виталий Васильевич*, аспирант, v.v.platonov@inbox.ru

* ФБГОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева»

** ГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана» Калужский филиал, г. Калуга, Российская Федерация

*** ГБОУ ВПО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана» ИСОТ (Институт современных образовательных технологий), Москва, Российская Федерация

Аннотация. «Понимание» представляется когнитивным процессом умственного означивания ресурсом герменевтики. Особое внимание уделяется оценке таких составляющих данного процесса, как распознавание смыслов в коммуникативной среде, организация текстов, размерность ситуаций, апелляция к сверхтекстовым смысло-значимостям. Авторы подчеркивают, что формальная организация текста управляется канонами внутрисистемной логики, ориентирующей на выполнение прозаических или поэтических произведений. Первые отличает прямо направленная речь; вторые – возвратный, ритмический способ выстраивания речи с периодическими повторами, сопряжениями, подобиями чередующихся рядов. Важное место в статье отводится сюжету, представляющую способ раскрытия содержания, развертывания темы, изложения фабулы через уяснение системы действий – интеллектуальных, поведенческих движений в ходе повествования о случаемом. Складывается генеральная культурная модель, центрирующая «факт с глубокой идейной подоплекой», – очерчиваемый круг явлений (онтологический базис) сцепляется с творческой манерой его преимущественного освоения (эпистемологический базис). Так форматируются и переформируются категориальные ареалы, вводящие предельно широкие типы мировидения: каузализм, телеологизм, функционализм, историзм, пробабиллизм и т.п.

Ключевые слова: понимание, текст, коммуникация

Для цитирования: Ильин В.В., Мамедов А. А., Бирюкова Е.А., Мюллеринен Е.А., Платонов В.В. Потребность человека в распознавании смыслов в коммуникативной среде // Сервис plus. №3, 2017. С. 79—85.

Статья поступила в редакцию: 01.05.2017.

Статья принята к публикации: 26.06.2017.

The human need for recognition of meanings in the communicative environment

Viktor V. Il'in*, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., vvilin@yandex.ru
Azer A. Mamedov*, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Prof., azermamedov@mail.ru
Vitalii V. Platonov*, v.v.platonov@inbox.ru
Elena A. Biryukova**, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Prof., cek-mgtu@mail.ru
Elena A. Myullyarinen***, eam@bmstu.ru

Ильин В.В., Мамедов А. А., Бiryukova Е.А., Myllarinen Е.А., Platonov В.В. Потребность человека в распознавании смыслов в коммуникативной среде

Il'in V. V., Mamedov A. A., Biryukova E. A., Myllarinen E. A., Platonov V. V., The human need for recognition of meanings in the communicative environment

*Russian State Agrarian University - Moscow Timiryazev Agricultural Academy

**Bauman Moscow State Technical University (Kaluga branch), Kaluga, Russian Federation

***Bauman Moscow State Technical University, Institute of modern educational technologies, Moscow, Russian Federation

Understanding is a cognitive mental process of signification resources of hermeneutics. Special attention is paid to the evaluation of such components of this process, as the recognition of meanings in the communicative environment; organization of texts; the dimension of the situation; the appeal to super-texts varieties. Authors emphasize that the formal organization of the text is controlled with canons of the intra-system logic focusing on implementation of prosaic or poetic works. The first are distinguished by direct speech; the second are returnable, rhythmic way of forming of the speech with periodic repetitions, interfaces, similarity of the alternating ranks. The article also pays attention to the plot, representing the way of content disclosure, subject expansion, a plot statement through explanation of system of actions – intellectual, behavioral movements during the narration about happening. There is a general cultural model aligning "the fact with the deep ideological background", – the outlined circle of the phenomena (ontological basis) is linked to a creative manner of its primary development (epistemological basis). The categorical areas entering extremely wide types of a world perception are so formatted and reformatted: causalism, teleology, functionalism, historicism, probabilism, etc.

Keywords: understanding, text, communication

For citation: Il'in V. V., Mamedov A. A., Biryukova E. A., Myllarinen E. A., Platonov V. V., The human need for recognition of meanings in the communicative environment. Service plus, vol. 11, no. 3, 2017, pp. 79—85.

Submitted: 2017/05/01.

Accepted: 2017/06/26.

Понимание текста задает система взаимоотношений составляющих его подсистем, включающих формальные и содержательные компоненты:

- 1) формальное измерение текста задается особенностями стиля, жанра, композиции, ритмики, свойств речи,
- 2) содержательное измерение текста исчерпывается спецификой темы, фабулы, конфликта, характеров, условий, идей (идеалов), тенденций, интриги,
- 3) формально-содержательное измерение текста – сюжетная принадлежность.

1. Форма текста определяется многоосновными правилами порождения – конструирования из символов (букв) слов, предложений, агрегирования предложений (ппф) в ассоциации (исчисления) использованием изоциренного инструментария морфологии, синтаксиса. Грамматически верно выстроенные, корректно сконструированные знаковые ассоциации – еще не текст. Говоря строго, не всякая цепочка слов грамматична; имеются нормальные и аномальные (глоссолалия) предложения, нормальные и аномальные (выходящая за границы ума заумь) фразы. Схема стандартного порядка слов влечет стандартную лексику (словесную экспрессию), в пределах которой опять же в стандарте реализуется языковая способность (в согласии со своей системой правил) относить акустико-фонетическую (графическую) форму предложения к ментальным значимостям.

Отнесение знаков к предметности развертывает значение; отнесение их к содержанию разворачивает смысл. Устройство по отнесению звуков (графов) к смыслам и

значениям – фоносемантика, осуществляющая звуковую денотацию (графическая денотация – в компетенции интерпретации), разлагается при невозможности установить связь означающего (звуковая форма) и означаемого (предметно-смысловое наполнение). Хороший пример отсутствия семантического ключа подведения синтаксиса (знаков) под толкование (возбуждение мыслей вследствие естественной когнитивной реакции на адресуемые знаки) дает Лем, герой которого испрашивает сепульку для сепулькарка. Лексически адекватно употребленное слово (фраза) способно быть «пустым», не нести какого-то определенного смысла, а значит, задавать капитальную для коммуникации функцию распределения (в перспективе – проекцию речевого материала на действительность за счет придания знакам смысло-значимости).

Скажем больше: невозможность установления смыслоцентричности высказывания разлагает не только фоносемантику, но и семантику коммуникации, фундируемую презумпцией толерантности сознаний агента и контрагента, субстанциальной тождественности их точек зрения. (ср.: несклонные к вступлению в открытую прозрачную коммуникацию аутисты практикуют впадение в глоссолалию – речепроизводство необычных, экзотических, заумных слов, а ргіогі разваливающих или, как минимум, осложняющих общение).

Формальная организация текста управляется канонами внутрисистемной логики, ориентирующей на выполнение прозаических или поэтиче-

Ильин В.В., Мамедов А. А., Бирюкова Е.А., Мюллеринен Е.А., Платонов В.В. Потребность человека в распознавании смыслов в коммуникативной среде

Ilin V. V., Mamedov A. A., Biryukova E. A., Myllarinen E. A., Platonov V. V., The human need for recognition of meanings in the communicative environment

ских произведений. Первые отличает прямо направленная речь; вторые – возвратный, ритмический с периодическими повторами, сопряжениями, подобиями чередующихся рядов, способ выстраивания речи.

Прозаические тексты обычно не предполагают соблюдения какого-то предзаданного нарочитого звуко-ритмического рисунка; они многозвучны. Разграничение моментов смыслового и синтаксического строя осуществляют здесь логические паузы.

Поэтические тексты выстраиваются членением речи на ритмические (обладающие эстетической ценностью) отрезки, скрепленные интонационно-смысловыми (просодия – система произношения ударных и неударных, долгих и кратких слогов, повышения и понижения тона в смысло-различительной функции) константными ударениями и разделенные краткими прерывами звучания. (Генеалогически – от ритмики и циклики природных явлений). Отрабатываются системные методы выдерживания размеров (количество и расположение слогов в стихе): метрическая организация – ритм задается чередованием мор; тоническая – бесстопная организация; силлабическая организация – с заданием ритма равным количеством слогов в каждой строчке (расположение ударных и безударных слогов не упорядочено); силлабо-тоническая организация (слоγο-ударная) – с равномерным чередованием ударных и безударных слогов.

Общую связанность текста, упорядоченность соотношения частей (элементов) в целом (системе) обеспечивает коммуникация, привносящая закон выстраивания произведения, обуславливающая его архитектуру (мотивированная конфигурация компонентов, типов упорядочения – изображения, выражения, расположения) [8].

Характерологичность, специфичность, признаковую оттеночность (колорит) текста вмещает стиль, концентрирующий своеобразие исполнительских приемов, творческой манеры, принципов, средств образных, лексических, синтаксических и т.п. решений. В отношении объективации персонального начала в текстосозидании обособляются крайности. Одна представлена линией Екатерины II, настаивавшей, чтоб сочинитель скрывал свое бытие, и везде бы было его сочинение, а его самого не видно было и нигде не чувствовалось, что он тут действует. Другая высказана Фернаном Леже: кто вам нравится больше всего? Я сам, иначе я бы работал, как другой.

Безличность – личность, деперсонализированность – персонализированность... – мнимая контроверза применительно к творческому процессу, исключаящему проведение охранения по части собственной тени. И максимы Горация: *Egomet mi ignosco;*

Теренция: *Ego meorum solus sum mens,* – лучший компас для ориентации в пространстве самореализации.

Формальная сторона вбирает приемы структуризации текста в аспекте морфологических, синтаксических, лексических, стилистических определений, объединяющих звенья в хорошо пригнанную цепь по упорядочивающему (не беспорядочному) коду. Между тем только лишь выверенная ассоциация знаков (с акцентуацией знаковости) есть глоссематическая (синтаксическая) общность, с предметно-признаковых, субстантивных позиций представляющая потенцию текста. Перевод потенциального в актуальное состояние производит предметно-смысловая реализация языковых (звук, граф) единиц в виде тематических, референциальных отнесений.

2. Содержание текста обуславливается многообразными правилами трактовки – связывания плана выражения с планом предметно-смыслового значения. Как организованный компендий знаков текст смыслоориентирован, предметоцентричен. И это означает: тематически, фабульно, идейно интенционален, позиционен. Невзирая на *post festum* устанавливаемую многозначность, полифоничность текст мотивационно пристрастен, авторски ангажирован. Онтологически сцеплен с некоей признаковой моделью (в диапазоне от номинализма до реализма), легализующей использование гипотез существования, субстантивных постулатов (реифицируемость, атрибутивность). Ономаσιологически скреплен с фиксированным языковым фондом, легализующим использование выражений (кванторность, модальность, синтагматичность). Семасиологически соединен с интерпретативной моделью, легализующей использование систем референции (парадигматичность).

В функциональном отношении текст всегда – заинтересованная сценография, несущая интригу мира. По законам своей формы – требований жанра – текст выстраивается специфическим приемом «затруднения», «задержания» передачи сути – обнажения собственно авторского мировидения (широко истолкованная исповедальность, душеизлияние). Оправдание формального производит содержательный прием – развертывание сокровенного обставляется привнесением интриги – запутыванием (без всяких околичностей – дополнительным включением всякого рода «похождений», «приключений», словом, – «детективности») фабулы вплетением ее в хитросплетения расстановки лиц, событий, условий через интерактивные отягощения: завязку – развитие действия – конфликт характеров – развязку – финальное распутывание нарочито привнесенных осложнений.

В рафинированной реконструкции классическая романистика выстраивается по схемам

(а) увидел (услышал) – сказал (сделал) – подумал – умилился;

(в) увидел (услышал) – подумал – сказал (сделал) – ужаснулся.

Ильин В.В., Мамедов А. А., Бирюкова Е.А., Мюллеринен Е.А., Платонов В.В. Потребность человека в распознавании смыслов в коммуникативной среде

Ilin V. V., Mamedov A. A., Biryukova E. A., Myllarinen E. A., Platonov V. V., The human need for recognition of meanings in the communicative environment

Схема (а) с утрированием курьезности сцепки «сказал (сделал) – подумал» фиксирует родовое тяготение к драматической комичности (от фарсовости, водевильности, сатиричности до трагикомичности).

Схема (в) с утрированием облигатности сцепки «подумать – сказать (сделать)» фиксирует родовое тяготение к драматической назидательности, трагедийности (от хрии, ксении до классического эпоса, драмы, трагедии).

Утрирование «сказать» в двух схемах фиксирует родовое тяготение к беллетристичности (романичности); утрирование «подумать» (там же) фиксирует родовое тяготение к публицистичности. Между «сказать» и «подумать» – богатство жанровости; между «умилиться» и «ужаснуться» – богатство коллизииности (со стилистической, композиционной нормологией – художественные ареалы классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма вплоть до мистического реализма – Булгаков (в театрализации, лицедействе – Вахтангов)).

С логической точки зрения текстовая беллетристика (романистика, публицистика) организуется преимущественным использованием характеристики $aA(a)$: объект описывается в качестве обладателя А. Наделение предметностью А осуществляется движением в створе возможных миров посредством художественной тематизации персонажей (самых невероятных), располагающихся в воображаемой (эйдетической) реальности. Соотнесение последней с реальностью объективной производится проекцией, демонстрирующей типичность приписанных А черт. [1, 2, 3]

В деле создания эпических героев (иллюзорных существ – действующих лиц всякого рода «произведений», «сказаний») велика роль применяемого порядка слов (твердый, свободный – вплоть до инверсии, анаколупа), интонационной определенности (градация высот, интенсивность, темп, паузирование) и т.д.

Научные тексты выполняются эксплуатацией предикации $A(a)$. Предикация – прием сильного связывания объекта с признаком, осмыслена лишь в отношении фактуально непустых описательных имен. Откуда вытекает: если объект охарактеризован как обладатель А, это не означает, что ему можно предсказать А, т.е. по принципу свертывания вводить $A(aA(a))$. Из предикации $A(a)$ вытекает правомерность характеристики $aA(a)$, но не наоборот – из $aA(a)$ невозможно получить $A(a)$. (ср.: ансельмовское онтологическое доказательство бытия божия: объекту приписывается существование по приписанному свойству. Корректный ход: оправдание бытия всевышнего по вводимому признаку влечет лишь потенциальное существование в возможном мире; для актуального мира доказательству бытия божия вменяется эмпирическое оправдание в верификационной процедуре) [8, С. 20].

Обязывающая дистинкция характеристики и предикации позволяет идти дальше, намечая водораздел творческих манер, имманентных двум видам интеллектуальной культуры: беллетристики и науки.

Беллетристика в самой откровенной, а, следовательно, циничной трактовке есть ничем не обремененное исчисление знаков. Таковы непритязательные спрягания ономапопов, идиофононов. Крен в глоссематику развертывает беспорядочную платформу коммутационной игры – производства людических текстов по тщаниям ничем не сковывающего себя Homo ludens. В безответственных литературных опытах намечается тяга к трюкачеству, вольному экспериментированию. Здесь – отрешенные упражнения авангардистов (Хлебников, Каменский, Крученых, Бурлюк), абсурдистов (Ионеско, Беккет) в демонстрации внешних эффектов, интеллектуальных проделок. Абортивные техники касательно смысло-значимости, выхолащивания референциальной ориентации погружают в бессмыслицу, нелепость.

В теории языка рефлексивным отображением беллетризации мысли является доктрина структурной лингвистики (в исполнении Хомского). В теории знания практической апологией ее (беллетризации) оказывается «чистый» формализм (несбыточная программа Гильберта), с одной стороны, и формализм наизнанку – догматическая спекулятивная метафизика (вплоть до «спекулятивной филологии» Хайдеггера). В теории устройства жизни гиперболизация беллетризации заводит в тупики утопизма; универсализация игрового начала (вычурная, легковесная фактуально не обеспеченная модель Homo ludens) разрушает регулятивные скрепы обмена деятельностью. Недопустимой и отвратительной формой практической беллетризации жизни оказывается социальный форсаж, неумная штурмовщина, рискованные атаки на сложившийся уклад существования (от Калигулы, Нерона до Троцкого, Пол Пота, Энвера Ходжи).

Механизмом сдерживания абсолютизации беллетризации выступают:

- в самой беллетристике – внутренняя критериология, нацеливающая на сугубую гармоничность, художественность, изящность;

- в науке – внутреннее совершенство и внешнее оправдание – бивалентные критерии когерентной и корреспондентной состоятельности. Математика (абстрактное теоретизирование), гипотетико–дедуктивное природо- и обществознание (выполняемые на базе рациональной индукции), философия (системотворческое синтезирование богатства культуры) на достаточно длинной дистанции могут завязать в беллетристике, однако же в фикс-пункте – достижении «момента истины» решительно с ней порывают. Способ разрыва –

Ильин В.В., Мамедов А. А., Бирюкова Е.А., Мюллеринен Е.А., Платонов В.В. Потребность человека в распознавании смыслов в коммуникативной среде

Ilin V. V., Mamedov A. A., Biryukova E. A., Myllarinen E. A., Platonov V. V., The human need for recognition of meanings in the communicative environment

апелляция к а) формальной непротиворечивости (в стили противоречия беллетристика ощущает себя, точно рыба в воде); в) верификации (что беллетристике неведомо), скрепляемым с) неэмпирическими и экстралогическими критериями научности (простота, красота, эвристичность и т.п.) [4]. (Как отмечал Г. Харди, работа ученого «Так же, как работа живописца и поэта, должна быть красивой. Идеи, как краски или слова, соединяются между собой гармоничным образом» [6, с. 85]);

– в жизни – выверенный десижонизм, компетентные экспертные оценки, механизм делиберативной демократии, дающие охранную грамоту народу от посягательств на его волю.

По всему видно: отягощающая познание вирулентной тенденцией контаминация характеристики с предикацией недопустима.

Достоинство характеристики – освоение посессивно-го, движение в возможном, что является одинаково значимым для беллетристики и науки: и одно и другое, отмечалось ранее [2], суть развертывание мысли в модельном залоге под знаменами символического кондиционалиса. Различия состоят в том, что беллетристика, прекрасно чувствуя себя в нише возможного, в полной мере удовлетворяется его освоением; гносеологически она удовлетворяется актуальным пользованием характеристики.

Достоинство предикации – опора на корреспондентское требование опытного удостоверения – перекрытие все-таки мало обязывающего овладения возможным с обязывающим выходом на широкую дорогу действительного. В отличие от беллетристики наука озадачивается опробованием: ее посессивные конструкции не имеют иммунитета самодостаточности.

Более строгий содержательный типаж выполнения наукой своей миссии по наведению моста от потенциального к актуальному взыскует и более строгого формального типажа, предопределяя хорошо просматриваемую тенденцию к организации плана выражения (языка знания) на базе терминизации с жестким и жестоким требованием исключаемости (!) рабочих абстракций (невзирая на «художественность» – хилиазмы «светлого будущего»).

3. Формально-содержательная определенность текста задается витиеватыми правилами представления (выставления) предмета через события. Последним (представлением) увязывается содержание с формой. Если понимание есть способ неформального устраивания связи плана содержания с планом выражения, установления соотношения явления с трактовкой, то при всей эфемерности закрепления первенства (ср. Гете: «во всяком произведении искусства, великом или малом, вплоть

до самого малого, все сводится к концепции») приоритет следует отдавать сюжету.

Сюжет суть способ раскрытия содержания, развертывания темы, изложения фабулы через уяснение системы действий – интеллектуальных, поведенческих движений в ходе повествования о случающемся. В интересующем нас отношении «содержательное уяснение» через «формально структурированное повествование», корреспондирует гносеологически тонкому процессу когнитивной тургесценции – своего рода категориальному набуханию. Дело заключается в следующем. По ранее предложенной схеме: вследствие необходимости концептуализировать репрезентативную фактуру креативно вводится гипонимический формант – базовая метафора, – тематический шаблон, эвристическая матрица, осуществляющая семантическое стяжение. Задается парадигматический ареал со специфическими константами предубеждений – тенденциозностью (не убоимся сказать, – предвзятостью) стиля, жанра, интриги. Складывается генеральная культурная модель, центрирующая «факт с глубокой идейной подоплекой», – очерчиваемый круг явлений (онтологический базис) сцепляется с творческой манерой его преимущественного освоения (эпистемологический базис). Так форматируются и переформатируются категориальные ареалы, вводящие предельно широкие типы мировидения: каузализм, телеологизм, функционализм, историзм, пробабиллизм и т.п.

Отмеченное форматирование протекает как внедрение номинаций, лексем («монада», «кварк») с последующим подведением под них интерпретативной (толкование, вписание в фацию, картину мира, референциальной (верификация, операционализация, атрибуция, предметное коррелирование через проекцию на область материальных явлений) основы, оформление денотативной семантики.

Переформатирование протекает как ревизия традиционного соотношения явления и трактовки посредством изменения системы языка (а) и системы образов (в):

(а) – трансформация означающего с сохранением означаемого – динамика номинативного комплекса – ономасиологический контекст: «бесконечно малая» эволюционирует в «дифференциал»;

(в) – трансформация означаемого с сохранением означающего – динамика референциального комплекса – семасиологический контекст: эволюция «атома» от Левкиппа и Демокрита к Резерфорду и Бору.

Когнитивная тургесценция составляет гранит социальной организации знания (в гносеологической плоскости социум есть сообщество – ассоциация членов общества – последователей от «следую», т.е. «разделяю»), которая творчески консолиди-

Ильин В.В., Мамедов А. А., Бирюкова Е.А., Мюллеринен Е.А., Платонов В.В. Потребность человека в распознавании смыслов в коммуникативной среде

Ilin V. V., Mamedov A. A., Biryukova E. A., Myllarinen E. A., Platonov V. V., The human need for recognition of meanings in the communicative environment

рует единомышленников – сообщников в исповедовании сплоченного и спланированного идейного кредо.

Лейбниц использовал пифагорейскую номинацию-лексему «монада» в качестве метафоры «основание мира» – конститутивный элемент бытия (микрокосм), – обладающий способностью репрезентации, и через фацию («монадология») добился организационного единомыслия, – «товарищества» сообщников-оптимистов, почитающих наш мир (макрокосм) «наилучшим из возможных миров». Шопенгауэр использовал номинацию «воля» в качестве метафоры «основание мира», дробящееся в сонме объективаций, и через фацию («волютаризм») добился организационного единомыслия – «товарищества» сообщников-пессимистов, почитающих наш мир «наихудшим из возможных миров» (совершенно второстепенно, что в 1911 г. во Франкфурте на Майне основано шопенгауэровское общество).

Взять гипонимический формант «субъективизм». Как отмечалось, Лютер провел субъективизацию веры; Декарт – мысли; Руссо – жизнеотношения [5]. Итог – революции в духовном и практически-духовном производстве – инновации, турбуленции в ареалах тематизации вероятного, познавательного, существовательного опыта.

Сюжетная – формально-содержательная категоризация сообщает мышлению (формально) стилиобразующую, (содержательно) фабулообразующую размерность. Тот же Шеллинг, опираясь на вполне партикулярные открытия Гальвани, Вольта, Лавуазье, Галлера, Брауна в естествознании, предложил универсальную диалектическую сценографию природознания, способствовал упрочению парадигм динамизма, антимеханицизма, органицизма, по принципу домино оказавших благотворное эвристическое влияние на науку (Стеффенс, Карус, Окен), искусство (йенские романтики), метафизику (натурфилософия, Любомудры – Велланский, М. Павлов, Максимович, В. Одоевский, Д. Веневитинов, А. Галич; Чаадаев; славянофилы).

Основное в сюжетике – системность, резонантность – системообразующее, системологичное взаимоиндукционное возбуждающее влияние тока ментальных процессов вследствие сопряженных идейных воздействий. Скажем: категориальная пара «необходимость – случайность» распадается в концептуализации сущего на альтернативные контрадикторные платформы, – однозначность, моновариантность, монофакторность (а) – многозначность, поливариантность, полифакторность (в). Понятийная сетка категориальной группы (а) дискредитирует вероятность (от Гоббса, Декарта к Канту и далее) в качестве «неполноты» знания; третирует неоднозначность в качестве «субъективизма»; демонстрирует нигилизм в отношении «неномологичности». На фоне остракизма необходимости (историческая проекция идеологии – пе-

чально известная борьба с квантовой механикой, генетикой) инспирируется тотальное неприятие «индетерминистичности».

Понятийная сетка категориальной группы (в) дискредитирует «однозначность» в качестве фатализма; апологетизирует «неоднозначность» в качестве идеалов пробабиллизма, фаллибиллизма; демонстрирует нигилизм в отношении «номологичности». На фоне остракизма элементаризма, механицизма настраивается тотальное неприятие «детерминизма».

В силу системной логики трактовка соотносительной категориальной диады «необходимость – случайность» увязывается с корреспондирующей трактовкой соотносительной диады «детерминизм – индетерминизм». Детерминизм есть доктрина объективной закономерной взаимосвязи явлений; индетерминизм – доктрина прямо противоположного. Средством онтологического проведения детерминизма служит каузализм; таким же средством обоснования индетерминизма служит волюнтаризм. В силу тех же императивов системности тематизация «необходимость – случайность», завязываемая на тематизацию «детерминизм – индетерминизм», востребует соответственной апелляции к тематизации причина – следствие, каузализм – волюнтаризм, субстанциализм – акцидентализм, эссенциализм – окказионализм, фундаментализм – феноменализм и т.д. со всей полнотой интеллектуальных ветвлений. Последнее означает проведение полноценной категориальной версификации, выстраивание масштабной картины – сценографии действительности с выдерживанием формально-содержательного единства, гомологии стиля и фабулы [7].

Сюжетность через призму категориальных формально-содержательных спаяк мысли заявляется в типах гиперонимических упорядочивающих соотношений явлений друг с другом, играющих роль схем структурного концептуально-референциального порождения.

В материале нашего дискурса радикализируются кластеры гиперонимов, обслуживающих миропредставительный пафос категориальных диад.

Концептуальный кластер «необходимость – детерминизм»: обусловливание, определенность, однозначность, предсказуемость, динамические законы, финализм, эсхатологизм, провиденциализм, фатализм, пронойя, трансцендентная телеология вкупе с референциальным кластером «необходимость – детерминизм»: каузальность, закономерность, объективная взаимообуславливаемость, причинная цепь, причинная сеть, *causa finalis* инспирирует сценографию лапласовского детерминизма.

Концептуальный кластер «случайность – индетерминизм»: статистические законы, неоднозначность, неопределенность, спонтанность,

Ильин В.В., Мамедов А. А., Бирюкова Е.А., Мюллеринен Е.А., Платонов В.В. Потребность человека в распознавании смыслов в коммуникативной среде

Ilin V. V., Mamedov A. A., Biryukova E. A., Myllarinen E. A., Platonov V. V., The human need for recognition of meanings in the communicative environment

непредсказуемость, необусловленность, волюнтарность, антропоцентризм, пробабиллизм, фаллибилизм, органицизм, витализм вкупе с референциальным кластером «случайность – индетерминизм»: беспричинность, произвольность, непреднамеренность, непредзаложенность инспирирует сценографию стохастизма.

Обогащение «детерминизма» включением в него «некаузальных» коррелятивных, функциональных связей

симметрии, вероятностных соотношений, статистических распределений, целесообразности, самоорганизации, саморегуляции, адаптации, эквифинальности, эквипотенциальности, целеполагаемости, регуляции, имманентной телеологии, морфофизиологического реагирования, метаболических реакций в системе инспирирует модернизированную сценографию «порождения» и его «неизбежности».

Литература

1. Ильин В.В. Теория познания. Симвоология. Теория символических форм. М.: Изд-во Московского университета, 2013. 384 с.
2. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. 204 с.
3. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis*. М.: Проспект, 2016. 272 с.
4. Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 136 с.
5. Подр. см.: Маритен Ж. Знание и мудрость. М.: Научный мир, 1999. 244 с.
6. Hardy G. *Mathematician's Apology*. Cambridge, 1940.
7. Кортунов В.В. Рассудок. Разум. Дух. М.: Фонд содействия социальному развитию «Новая Евразия», 2017. 572 с.
8. Кортунов В.В. Прологомены к методологии верификации иррациональных систем. Москва, 1999.

References

1. Ilyin V.V., The theory of knowledge. Symbology. The theory of symbolic forms. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 2013, 384 p. (In Russ).
2. The theory of knowledge. Social epistemology. Sociology of knowledge. Moscow: Akademicheskyy proyekt; Gaudeamus, 2014, 204 p. (In Russ).
3. The theory of knowledge. Philosophy as a justification of Absolutes. In search of *causa finalis*. Moscow: Prospekt, 2016, 272 p. (In Russ).
4. Ilyin V.V., The theory of knowledge. Epistemology. Moscow: Knizhny dom «LIBROKOM», 2011, 136 s. (In Russ).
5. Mariten Zh., Knowledge and wisdom. Moscow: Nauchny mir, 1999, 244 p. (In Russ).
6. Hardy G., *Mathematician's Apology*. Cambridge, 1940.
7. Kortunov V. V., Mind. Intellect. Spirit. The Fund for the promotion of social development "New Eurasia". Moscow, 2017, 572 p. (In Russ).
8. Kortunov V. V., Prolegomena to the Methodology of Verification of Irrational Systems. Moscow, 1999, 43 p. (In Russ).

